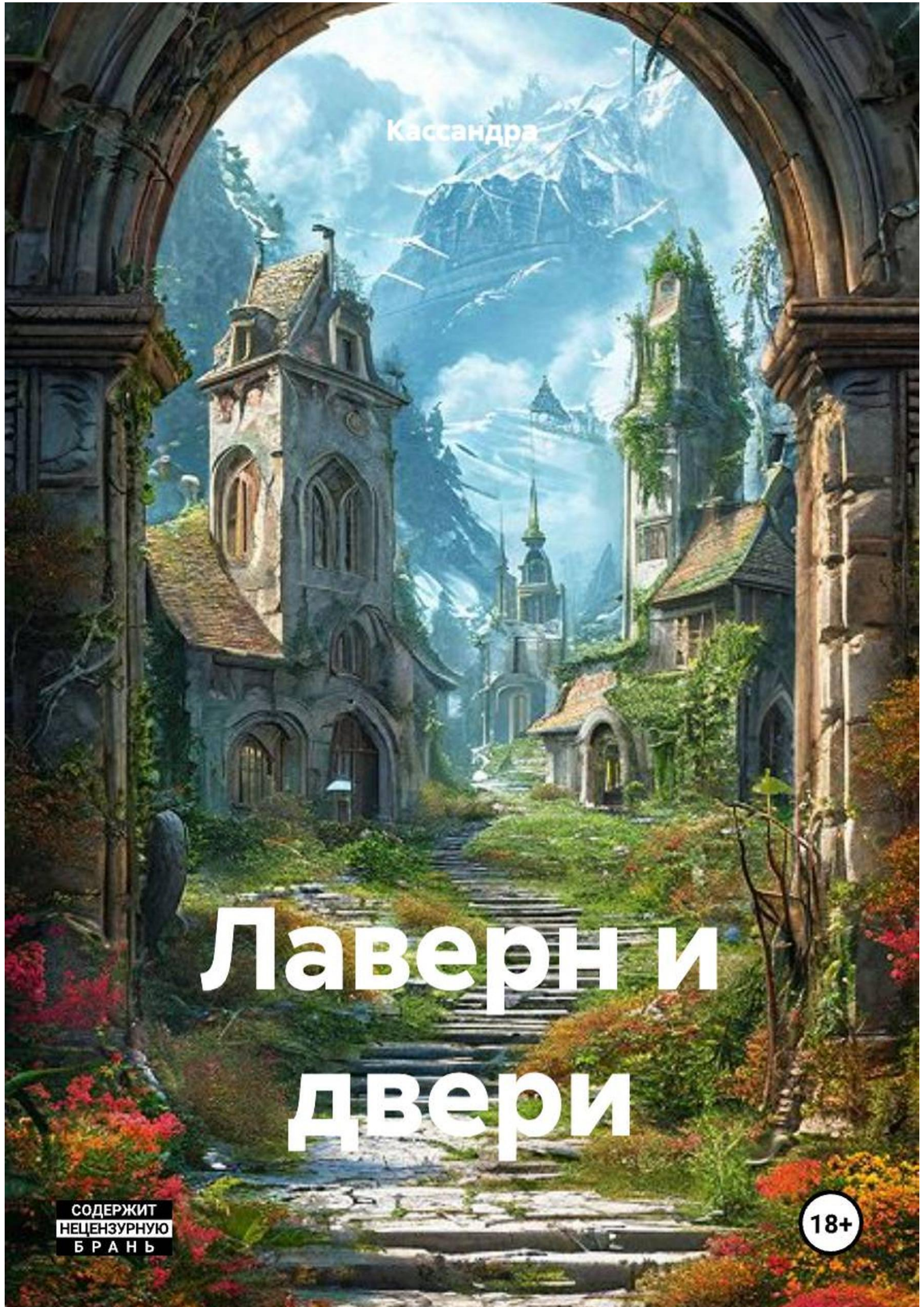

Кассандра

Лаверн и двери

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кассандра

Лаверн и двери

«Автор»

2026

Кассандра

Лаверн и двери / Кассандра — «Автор», 2026

Однажды осознанный сон уводит Лаверн за границу знакомой реальности — в мир, из которого не так-то просто найти дорогу назад. Теперь ей предстоит разобраться, зачем она оказалась здесь и почему незнакомцы смотрят на неё так, будто уже знают. Ей предстоит пройти через множество дверей. Одни ведут в странные и опасные места, другие хранят чужие тайны, а некоторые лучше было бы никогда не открывать. Но чем дальше заходит Лаверн, тем яснее становится: этот путь должен привести её не домой, а к ответу на гораздо более важный вопрос — кто она на самом деле.

© Кассандра, 2026

© Автор, 2026

Содержание

0	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Кассандра Лаверн и двери

0

Лаверн задумчиво осматривалась, стоя на невысоком, поросшем вереском холме. Такие холмы окружали ее со всех сторон, только у самого горизонта виднелся лес. Предположительно хвойный, но с такого расстояния, да еще и на закате сказать наверняка было почти невозможно. За лесом темнели высокие горы, их заснеженные вершины были покрыты нежным розовым светом, будто глазурию. Где-то шумела вода. Выдался замечательный, исполненный безмятежности осенний вечер, и посмотреть было, на что – особенно человеку, совершенно убежденному, что его последним сознательным решением было перевернуться на другой бок в собственной постели.

Лаверн посмотрела на свои руки; они сильно дрожали, но в остальном выглядели как обычно. Ни часов, ни книги под рукой не было, а Лаверн знала лишь три способа убедиться, что происходящее не сон – попробовать что-то прочесть, а потом прочесть еще раз, так же дважды поглядеть на часы или, собственно, смотреть на собственные ладони.

Затем Лаверн медленно ощупала голову. Голова была совершенно ясной, ни намека на головокружение или боль.

Хорошо, допустим, по голове ее не били. Допустим, ее чем-то напоили. Хотя от этого, вероятно, голова тоже должна была болеть. Но кто? Зачем? И почему этот человек заботливо надел на нее шапку? Если предположить, что ее куда-то тащили, шапку она бы точно потеряла.

Впрочем, мало ли сумасшедших.

А может быть, это она сошла с ума и самостоятельно забрела невесть куда? В таком случае ей пришлось бы провести на улице немало времени: ни в городе, где она родилась и выросла, ни даже поблизости не было и быть не могло вересковых холмов. А куртка между тем выглядела чистой и даже пахла как только что постиранная. Причем с ее любимым освежителем для белья.

Лаверн еще раз огляделась. Продолжать искать рациональное объяснение происходящему казалось по-прежнему соблазнительной идеей, но эта луна...

Две луны.

Это насколько ж далеко надо было уйти от города, чтобы увидеть такое? Будь она сумасшедшей, ее бы это удивляло? Или произошел какой-то катаклизм, к Земле приблизилось непонятное небесное тело и стерло ее последние воспоминания?

А может, она умерла?

У мертвецов может болеть поясница?

Лаверн помнила, как читала на ночь книгу. Помнила, как ложилась спать. И очень хорошо помнила свой сон; да, пожалуй, если брать сон в расчет, ее последнее сознательное решение было немного другим.

Несколько лет назад этот кошмар мучил ее регулярно. Ей снилось, будто она лежит с открытыми глазами в темноте, в собственной постели, и прислушивается. Комната всегда выглядела как наяву, но все же что-то в ней вызывало смутное беспокойство: то ли темнота была слишком уж густой и непроглядной, то ли тень от занавески двигалась слишком резко, будто вовсе и не была тенью...

А затем непременно происходило что-то, что превращало смутное беспокойство в леденящий ужас – какой-нибудь признак выдавал присутствие силы, чужеродной и враждебной. Тихий неразборчивый шепот из кухни, дыхание, шаги... Тогда Лаверн пыталась включить свет.

Иногда даже было видно, как в лампочке, краснея, накаляется спираль, но света никогда не было.

Совсем.

Наверное, если бы ей хоть раз не повезло и в одну из таких ночей наяву что-нибудь бы в самом деле стряслось с электричеством, она умерла бы от страха. Однако до сего момента ей везло.

Потом Лаверн начала видеть этот сон несколько раз в неделю. Она стала спать со светом, хоть это и не помогало, и, наверное, рано или поздно сошла бы с ума, но однажды, в очередной раз пытаясь включить свет, она подумала: опять?.. И ее осенило: это *опять* сон! С тех пор кошмар перестал быть кошмаром.

Так было и в этот раз. В том, что происходящее – всего лишь сон, следовало убедиться как можно скорее, прежде чем волна ужаса, порожденная тихим шепотом из темноты, заставит об этом забыть. Лаверн осторожно посмотрела в зеркало. Ее отражение было одето в ночную рубашку, которую пришлось выбросить лет пять назад; кроме того, по поверхности зеркала расходились широкие круги, как если бы Лаверн глядела в воду. Она коснулась поверхности зеркала кончиками пальцев, и они будто бы погрузились в расплавленное серебро.

Лаверн отдернула руку.

Страх отступил.

Лаверн сосредоточилась и через несколько мгновений уже сомкнула пальцы на древке невидимой метлы: на то, чтобы вообразить текстуру дерева, ей никогда не хватало мастерства. Распахнув входную дверь и вскарабкавшись на метлу, Лаверн сначала едва не обрушилась в снег, но, глядя строго вперед, все-таки смогла выровняться и наконец взлетела над городом.

Она знала, что чрезмерно сосредотачиваться на маршруте нельзя, не то можно проснуться, – потому просто взяла курс на север. Под ней пронеслись дома и широкие проспекты, и вскоре Лаверн уже летела среди дружелюбных облаков, отливающих золотым и розовым. Справа возник водопад – вода низвергалась прямо с небес и исчезала где-то далеко внизу. Лаверн облетела его в поисках места, куда можно было бы приземлиться, однако случилась неприятность: солнце начало нестерпимо светить прямо в глаза. Этот раздражающий эффект часто возникал, когда Лаверн пыталась кого-то во сне догнать – глаза слипались, и уже невозможно было разглядеть ни цели, ни препятствий. Она попыталась представить, что этого света нет, но тот оказался упорнее. Пришлось снижаться. Лаверн смутно различала вокруг себя высокую, почти в человеческий рост траву; где-то звенел ручей, а воздух был тяжелым от запаха цветов и нагретой земли. Ее начало клонить в сон.

Лаверн еще ни разу осознанно не засыпала во сне; было любопытно, поможет ли ей это выспаться – она хорошо помнила, что когда она ложилась, спать ей оставалось всего шесть, а то и пять часов. Свернувшись клубочком в траве, она положила руку на глаза, чтобы солнце не мешало, и заснула.

Уже просыпаясь, Лаверн поняла, что запах травы никуда не делся, только стал каким-то другим; как будто земля остыла и выпала роса. Должно быть, ночью пошел дождь. Лаверн нравилось засыпать во время дождя, только вот одеяло сбилось и теперь, вместо того чтобы греть, предательски давило куда-то в спину, а между тем было прохладно. Она сунула было руку, чтобы вытащить этот край и укутаться как следует, но тут-то и проснулась по-настоящему и окончательно: рука наткнулась на холодный древесный корень. И более того, раскрыв глаза, Лаверн поняла, что она вовсе и не в комнате. И вот теперь она стоит здесь и, пытаясь унять панику, гадает, как же может вдруг человек оказаться где-то, где две луны, и почему на этот раз сон не закончился пробуждением.

В траве, прямо под ногами, что-то валялось – что-то, подозрительно похожее на сумку, которую Лаверн когда-то купила в Мюнхене. Лаверн моментально выпотрошила ее. Внутри обнаружился телефон, который, впрочем, не ловил, ее любимая колода таро, бутылка воды,

зажигалка, бумажные салфетки и булочка с изюмом. Ни документов, ни денег, ни ключей. Замечательно.

Версия о заботливом маньяке казалась все менее правдоподобной. Лаверн перезагрузила телефон, увы, без толку. Для начала, – решила она, – надо выбраться из-за холмов и оглядеться. А потом идти в любом направлении. Может быть, за холмами есть дорога, а если там найдется дорога, то рано или поздно найдутся и те, кто ее проложил. Проводов было не видеть, шума шоссе тоже не было слышно. Отлично.

Повторив слово «отлично» про себя три раза с разными интонациями, Лаверн перезагрузила телефон еще раз.

Ничего нового.

Пожалуй, стоит попытаться думать не о проблеме, а о решении. Позвонить она никому и никуда не могла. Ориентироваться на местности не умела. Извлечь огонь не представлялось возможным – верней, представлялось, но для начала надо было найти пару сухих палочек и понадеяться, что она не глупей первобытного человека. Итак, полагаться оставалось только на разум, который, впрочем, отказывался сотрудничать. Что в данной ситуации самое важное? Пожалуй, вода. Вода пока есть. Дополнительных сосудов, чтобы наполнить их водой из реки, не наблюдалось. Из еды – булочка. Лучше, чем ничего. Когда рассветет, можно будет поискать какие-нибудь... Плоды? Коренья? Из всего, потенциально произрастающего в дикой природе, Лаверн безошибочно могла узнать только яблоки, да и то перед лицом реальной опасности начинала в этом сомневаться. В общем, из животрепещущего оставались только палочки. Хотя какие к черту палочки, пока есть зажигалка.

Лаверн бросила телефон в сумку, аккуратно спустилась с холма и медленно побрела куда глаза глядят. Через некоторое время она вышла на утопанную дорогу, несколько воспряла духом и позволила себе думать, что сделала все, что могла, – как ни странно, не без некоторого облегчения. А ведь должна была бы прийти в ужас. Невероятно. Одна, черт знает где – очевидно только, что близится ночь, – не может никуда позвонить и решительно не представляет, что будет дальше – впрочем, что было до этого, она тоже, как оказалось, представляет смутно. Может только идти и любоваться лунным светом. И при этом она куда дальше от состояния панического ужаса, чем, например, обычно бывала на своем рабочем месте. Говоря по правде, одна вещь ее по-прежнему беспокоила – вдруг обе луны, дорога и прочие живописные подробности – все-таки всего лишь порождение ее внезапно заболевшего ума? Но такое допущение подразумевало рекомендацию покорно улечься на землю и ждать, когда она наконец очнется в какой-нибудь больнице, а этого почему-то хотелось меньше всего. А вот расслабленно идти в никуда было довольно приятно; не хотелось ни есть, ни пить, ни спать, Лаверн не успела устать, а самое главное – даже если кому-то сейчас было от нее что-то нужно, она не могла этому гипотетическому «кому-то» помочь ровным счетом ничем – короче говоря, Лаверн не могла припомнить, когда за последнее время чувствовала себя лучше, хотя и не решалась признаться себе в этом до конца.

В какой-то момент – прошло около часа – воздух изменился. Где-то неподалеку, похоже, текла река, но сходить с дороги и проверять не хотелось. Лаверн начинала понемногу уставать, к тому же обе луны скрылись за облаками и все, кроме десяти метров дороги впереди и ближайших холмов, которые были теперь с обеих сторон, терялось во тьме.

Едва желание прийти куда-нибудь окончательно оформилось, как слева возник каменный забор, увитый плющом, за которым где-то впереди брезжил свет. Забор казался нескончаемым, но в конце концов Лаверн добралась до открытых кованых ворот. Свет, как выяснилось, исходил от фонаря – невероятно, внутри, похоже, была самая настоящая свечка, – висевшего над входной дверью дома за воротами. На секунду Лаверн задумалась, не лучше ли переночевать на улице, а в коммуникации вступать уже утром, но отмела эту идею. Не исключено, умозаключила она, что это необъяснимое умиротворение – всего лишь попытка ее разума защититься

от действительности. Хотя бы одна мрачная мысль могла запустить такую машину саморазрушения, что лучше и не начинать.

В фонаре оказалась не одна свечка, а целых три. Лаверн постучала, стараясь не думать, как сейчас там, внутри, с постелей поднимаются сонные люди (а люди ли? лун-то все-таки две), проклинающие ее на все лады. Второй раз Лаверн постучала очень тихо, готовясь отступить. Ответом по-прежнему была тишина. Хозяева то ли отсутствовали, то ли спали глубоким сном, а Лаверн даже не была уверена в том, что чувствует по этому поводу: разочарование или облегчение. Она опустила на лавочку возле двери и залезла в сумку. Булочка и короткий отдых – то, что нужно, а уж потом Лаверн отправится дальше, может быть, неподалеку стоит еще один дом, хозяева которого не ложатся спать так рано.

Медленно жуя булочку, Лаверн осматривалась. Дом мог сойти за дом ее мечты – во всяком случае, то, что она могла разглядеть. Куст красных роз возле ступеней крыльца, благородный серый камень стен, массивная деревянная дверь...

Да где же она все-таки, черт побери?

Доев, Лаверн снова полезла в сумку за водой и неожиданно нащупала на дне что-то, чего, она могла в этом поклясться, в сумке раньше не было.

Тяжелый ключ.

Ну нет, быть такого не может. Ерунда какая-то. Лаверн извлекла ключ и оглядела его в свете свечей; большой, увесистый, с головкой в виде восьмерки. Может, все-таки попробовать? Но как она будет выглядеть, пытаясь взломать чужой дом? Внутренний голос, однако, нашептывал, что она должна хотя бы попробовать; разумных аргументов у этого голоса, впрочем, не нашлось.

«Ладно», – решила она, наконец, – «Если что, скажу, что я была не в себе. Самое забавное, что и врать-то не придется»...

Лаверн встала, снова подошла к двери и вставила ключ в замочную скважину. Ключ подошел. Чувствуя, как сильно забилося сердце, Лаверн помедлила еще секунду, прежде чем вернуть его, но наконец дверь с легким щелчком открылась.

Стоило Лаверн переступить порог, как на стенах зажглись лампы с абажурами из цветного стекла. Лаверн зажмурилась и вздрогнула от неожиданности, но за этим необычным приветствием ничего не последовало. В доме пахло деревом и еще чем-то приятным; Лаверн механически заперла за собой дверь, повесила куртку на вешалку и огляделась. Холл был огромным, у противоположной стены – изогнутая лестница с площадкой, над которой, теряясь в тени, висел огромный портрет какой-то женщины. Справа и слева – большие двойные двери, небольшая и неприметная дверь в углу.

Неожиданно к спокойствию добавилось странное, раздражающее чувство узнавания. Лаверн вдруг поняла, что дверь справа ведет в гостиную, дверь слева – в столовую. Она машинально потерла виски, пытаясь понять, что с ней происходит, и еще раз огляделась. Новое чувство было больше всего похоже на воспоминание, но противоречило всему остальному, что Лаверн привыкла помнить. Проще было принять это за озарение, влияние неведомой второй луны или что-то еще в этом роде. И все равно ощущение было довольно неприятным и слегка напоминало то ли частичную потерю рассудка, то ли какое-то чужое влияние на разум, – насколько Лаверн могла себе такое представить. Через несколько мгновений это мучение прекратилось, оставив сомнительное послевкусие. Сильней навалилась усталость; собравшись с силами Лаверн крикнула в потолок: «Есть здесь кто?», – заранее зная, что ответа не будет. Его и не было.

Лаверн медленно поднялась по лестнице. По дороге она собиралась получше разглядеть портрет, но ее вновь посетило неприятное «узнавание» – на этот раз она мысленно побывала в кабинете и одной из ванных комнат, заодно поняв, что идет в сторону спален – и прошла мимо портрета, не взглянув на него.

Миновав коридор, Лаверн оказалась возле очередных двойных дверей и открыла их; комната действительно оказалась спальней. На этот раз свечи пришлось зажигать самой, причем с помощью зажигалки – и ничего кроме свечей обнаружить не удалось, во всяком случае, сразу и в полумраке. Зато свечей было в избытке и горели они значительно ярче, чем Лаверн привыкла видеть.

Ничего необычного – во всяком случае, предметов, с которыми Лаверн не сталкивалась бы раньше, – в комнате не было. Большая кровать с балдахином, тумбочка, шкаф, комод, пара кресел, книжный шкаф, письменный стол... Похоже на номер в отеле. В очень хорошем отеле – элегантная мебель была сделана из дерева и украшена ненавязчивой резьбой, на паркете лежал пушистый ковер, потолок украшен лепниной. Единственное, что вызывало некоторое недоумение – полное отсутствие электрических приборов. Даже в люстре виднелись толстые восковые свечи. Пожав плечами, Лаверн подошла к небольшой двери в углу. За ней обнаружилась ванная комната, снова напомнив Лаверн об отелях. Пожалуй, душ бы не помешал, хотя стоит ли раздеваться и самой себя ставить в такое уязвимое положение? Впрочем, эта тревожная мысль появилась у Лаверн в голове скорей как необходимая формальность. Неожиданно для нее самой страх покинул ее окончательно, причем сама мысль об этом была почти пугающей; Лаверн почти готова была поверить в то, что находится в полной, полнейшей безопасности. На всякий случай Лаверн покрутила краны и убедилась, что вода действительно есть; другое дело, что настроения для душа совсем не было. Опять чудовищно хотелось спать.

Лаверн задула свечи и, как была в одежде, упала на кровать. Она только и успела, что оценить тонкий лавандовый аромат, исходивший от свежего белья, прежде чем провалиться в сон. На этот раз Лаверн ничего не снилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.